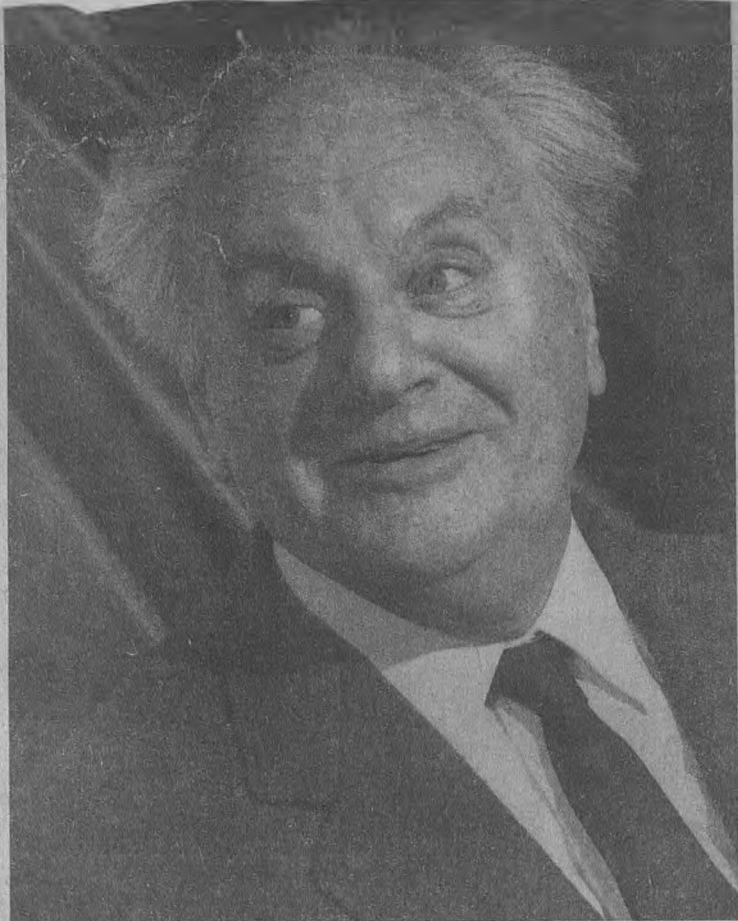

5 февраля в Доме ученых состоится торжественное собрание «Их именами названы планеты». Почетное свидетельство о присвоении открытой планете № 3661 его имени получит и Евгений Долматовский. В дипломе указано — «советский поэт, публицист, переводчик, писатель».

Евгений ДОЛМАТОВСКИЙ:

«Оцениваю прожитое не со знаком плюс или минус, а со знаком «ЖИЗНЬ»

— Евгений Аронович, не каждый день открывают новые планеты и уж тем более не каждую из них называют именем, скажем по традиции, советского поэта. Какие чувства вы испытываете в связи с этим известием?

— Знаете, советские люди ко всему привыкли: могут и звезду твоим именем назвать, могут и по башке стукнуть, как не раз бывало. А вообще-то во всем этом есть нечто романтическое, что мне, как поэту, вы понимаете, близко.

— Неужели и вашей, как вы говорите, башки, коснулась идеологическая дубинка? Мне всегда казалось, что кому-кому, а вам грех жаловаться: у вас книги выходили чуть ли не каждый год — были одноклассники, собрания сочинений...

— Всего этого могло быть больше, если бы позвоночник мой был более гибким. Не хочу представляться вам несчастным, но дерьма хлебал бочками. Однако я оптимист, и критики называли меня даже «телячьим оптимистом». И это спасало! Я теперь немножко горжусь, что по моему стихотворению «23 февраля 1973 года» было принято постановление ЦК, заклеившее меня как «очернителя». Я никогда им не был, и сегодня, кстати, не собираюсь быть очернителем — в отношении нашего прошлого тем более. Заранее предупреждаю, чтобы вы не «тянули» из меня чего-то эдакого, о событиях святых

для людей моего поколения, скажем, о войне...

— ...которую вы прошли от звонка до звонка в качестве военного корреспондента, были ранены и все же расписались на рейхстаге. Зря вы волнуетесь: не собираюсь я из вас очернителя делать. Я уважаю и очень жалею людей вашего поколения, многие из которых к концу пути вынуждены оценивать все прожитое со знаком минус. А День Победы и для меня святой праздник.

— Лично я оцениваю прожитые годы не со знаком плюс или минус, а со знаком «жизнь». Ведь говорить о том, что было бы, если бы было по-другому, — бессмысленно. Мой возраст без малого уместается в век, и я считаю себя счастливым человеком хотя бы уже потому, что видел эпохальные события, был их свидетелем и участником.

— Например, разгром фашизма?

— Да.

— А что вам особенно запомнилось из последних дней войны, что в душу запало?

— Мы в Берлине. Я наконец добрался до рейхстага. Рядом стояли обозные кони и верблюд, который путешествовал с нами аж с 42-го, со Сталинграда. Стены и колонны рейхстага были уже все в автографах. У меня была палка с острым концом — разболелась раненная еще в Сталинграде нога, — и вот я выцарапал этой палкой высоко на колонне и свою фамилию.

По разбитым ступеням вошел в закопченный пожаром рейхстаг. При свете свечей и масляных плашек мне открылось печальное и какое-то почти нереальное зрелище — на носилках и прямо на полу лежали раненные немцы, а советские сестрички, столько пережившие, перевязывали их. Я подошел к трибуне (это было в зале заседаний). Под трибуной валялась бронзовая голова Гитлера. Поднял ее и пошел на улицу, у Бранденбургских ворот выбросил ее, и она со звоном покатила по брусчатке под смех наших солдат.

— Да, забавного в вашей жизни, видимо, было немало, но и немало счастливого, любовь, например...

— Сейчас я расскажу историю, в которой соединились радость, любовь и нечто действительно забавное. Одну из своих неболь-

ших книжечек я неосторожно назвал «Любовь немолодых людей». Тираж по тем временам был огромный — 100 тысяч экземпляров, и редактор говорит: назовите просто «Любовь», так вернее для распродажи. Я не послушался совета.

А потом позвонили из издательства, что книжка вышла. О, какое это мучительное и сладкое дело — покупка собственной книжки в киоске! Не знаю, как другие поэты, но я всегда испытываю неловкость, когда надо приобрести свои творения, — говоришь о себе в третьем лице, невольно робеешь... Подхожу к киоску, прошу: дайте мне «Любовь немолодых людей», фамилию так и не решился назвать. Киоскер ответил: «прошла», то есть раскупили. Я пошел по городу в поисках своей книги и, представьте, нигде не мог купить. Один из пожилых киоскеров с наметанным глазом сразу признал, видимо, во мне автора. Он спросил:

— Молодой человек, каков тираж этой книги?

— Сто тысяч, — промямлил я.

— А сколько в Москве пенсионеров, — улыбнулся киоскер и сам ответил, — пол-миллиона, так что не взыщите.

Через некоторое время я получил коллективный и очень положительный отзыв на «Любовь немолодых людей». Письмо пришло из Киева. Радость моя была велика, и я не сразу посмотрел на обратный адрес. А там значилось: «Институт геронтологии, палата такая-то». Для несведущих: геронтология — наука о старости. Утешил меня потом Яро-

Светлов, маленький, худющий, вскочил, поднял со стула хулигана и своей тощей рукой надавал ему пощечин. Хулиган, воля, обратился в бегство. Несколько позже нам сказали, что это был чемпион одной из республик по боксу. Светлов улыбнулся: «Никому не рассказывайте об этом «матче», а то меня включат в сборную СССР по боксу и некогда будет писать стихи».

Да, Светлов был ироничен, остроумен, его речь изобилвала парадоксами. За четверть века нашего знакомства я имел возможность убедиться в этом. Но главным в нем в его жизни была поэзия, стихи. Вокруг Светлова всегда роилось много поклонников. Каждое в отдельности воспоминание о его шутках, быть может, и достоверно, хотя бы приблизительно. Но ни в коем случае нельзя выдавать случайно оброненные фразы Михаила Аркадьевича чуть ли не за литературное наследие поэта. А это, увы, нередко делается, и тем самым снижается не только уровень его поэтического дарования, но и масштаб личности.

— Евгений Аронович, широкая публика, а не только любители поэзии, знают и любят песни, созданные на ваши стихи. Среди них и «Любимый город может спать спокойно», и «Под городом Горьким, где ясные зорьки», и «Случайный вальс» («Ночь короткая»), «Парни, парни», «Комсомольцы-добровольцы». Одна из песен — «Родина слышит, Родина знает» — побывала даже в космосе, Юрий Гагарин пел ее, спускаясь на Землю.

— Да, и после этого мелодия песни стала позывными последних известий по радио.

А вообще-то песня была задумана за восемь лет до того, как мне удалось ее написать, и за двенадцать лет до полета Гагарина. И если уж быть совсем точным, то импульс возник еще в 1942 году, когда по заданию фронтовой газеты я побывал у летчиков отряда, работавшего по связи с оккупированной территорией, летал с ними за линию фронта. Тогда-то я и узнал, что самолет наводят на свой аэродром песнями, услышав в наушниках знакомую «Помню, я еще молодой душой была». Я думал, какое это счастье — своими словами звать самолеты домой. Но шли годы, а песня не получалась.

Помните пословицу «Не было бы счастья, да несчастье помогло»? В 50-м я написал пьесу, где был эпизод с летчиком. Чтобы быть кратким, скажу, что в сильно закрученном сюжете летчик ведет самолет сквозь бурю, ему помогает пеленг:

Родина слышит, Родина знает,

Где в облаках ее сын пролетает...

Пьеса была принята к постановке Николаем Охлопковым, я обратился к Дмитрию Шостаковичу с просьбой оснастить ее музыкой. Когда Шостакович позвал меня слушать песню, я был поражен музыкальным решением песни, ее простой и светлой мелодией.

Но, увы, пьеса не увидела сцены: мы с Охлопковым разошлись в принципиальных подходах к ее интерпретации. Я забрал пьесу из театра.

Мне было ужасно неловко перед Шостаковичем — ведь он писал музыку специально для пьесы. Но Шостакович, казалось, даже не слушал меня, когда я длинно и нудно объяснял, что провалился с пьесой. В общем, я считал, что песня погибла вместе с несостоявшимся спектаклем.

Но вскоре Дмитрий Дмитриевич обнародовал песню и опять в очень неожиданном решении — ее исполнил мальчик из хора Свешникова Женья Таланов. Даже и сегодня нет, а можно услышать этот неземной и какой-то очень человеческий голос.

— Евгений Аронович, закончим тем, с чего начали: у вас много правительственных наград — и военных, и мирных, и литературных премий. Планета, названная вашим именем, видимо, станет главной в этом ряду?

— Все дело в том, что живу и работаю я не за награды, и сказать вам, какая из них мне дорога больше, а какая меньше, я, честно говоря, затрудняюсь. Перед глазами проходят годы, дни, а порой минуты, в конечном счете жизнь и составляющие. Закончить же нашу встречу я хочу строчками из моих стихов:

А честь славословья доверим потомкам —

Когда-нибудь пусть нас добром помянут.

Беседа велась
Елена ГРАНДОВА.

Дмитрий Шостакович и Евгений Долматовский.

Берлин, 1945 г.

слав Смеляков, сказав: а поэзия — дело молодых!

— Среди тех, кого вы знали, с кем были дружны, можно назвать Багрицкого и Луговского, Светлова и Евгения Петрова, Паустовского и Твардовского, Эренбурга, Мусу Джалиля, Исаковского. Да разве всех перечислишь! Кого бы вы хотели сейчас вспомнить?

— Давайте поговорим о Светлове. О, эта светловская ирония! Попадая в ее атмосферу, человек никогда не чувствовал себя униженным, высмеянным, да и поэзия Светлова так иронична, что под иронией всегда угадывается пафос.

Но при всей доброте своей Светлов был очень строгим. Прежде всего к самому себе. Никакие восторги товарищей не могли вскружить ему голову.

Как-то группа поэтов сидела в ресторане. По соседству с нами оказался могучий молодой человек в пиджаке, расправившем мускулах. Он куражился, оскорблял женщин.